

зация высокоэффективных и быстрокупаемых инвестиционных проектов, максимальное содействие малому бизнесу.

Б.В. БАЗАРОВ
Л.Б. ЖАБАЕВА

К ПРОБЛЕМЕ СУВЕРЕНИТЕТА МОНГОЛИИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1921 года

После июльских событий 1921 г. статус Внешней Монголии оставался неопределенным. С одной стороны, геополитические и революционные задачи требовали от Советской России закрепления достигнутых итогов монгольской революции 1921 г. путем официального признания новой народной власти. Но с другой — решение этой проблемы было весьма непростым, так как с дипломатических позиций, стоящих перед НКВД в Китае, признание Монголии было крайне невыгодно, поскольку осложняло и без того запутанную проблему установления официальных отношений с Пекином. Основным «двигателем» и вдохновителем идеи заключения соглашения председатель Дальневосточного секретариата Коминтерна Б.З. Шумяцкий. По приглашению Советского правительства первая полномочная делегация новой Монголии выехала в Москву 8 октября 1921 г. из Иркутска в следующем составе: С. Данзан (председатель ЦК МНП и руководитель делегации), Д. Сухэ-Батор (военный министр и главком), Б. Цэрэндорж (зам. министра иностранных дел), Ширин-Дамдин (представитель Богдо-гэгэна) и переводчик бурят Э. Батухан. Б.З. Шумяцкий, которого глубоко волновали монгольские проблемы, лично сопровождал делегацию из Иркутска до Москвы.

В советском руководстве в тот период не было единого мнения по вопросу о дальнейшей целесообразности поддержки монгольского правительства и заключения с ним соглашения. Как откровенно пишет Б.З. Шумяцкий в письме к Э.-Д. Ринчино от 19 ноября 1921 г., его доводы о заключении договора с Монголией наталкивались на активное противодействие ответственных работников, особенно противились этому в НКВД, где ему заявили о невозможности «накануне посредничества (между Китаем и Россией — Л.Ж.) высказывать с сепаратным соглашением»¹. Шумяцкий отмечает, что ему пришлось провести колоссальную работу «...всех поставить на ноги...привлечь внимание и конкретно заставить заинтересоваться Монгольскими делами. Признаюсь, пришлось много крови испортить, много ругаться, многих буквально «за шиворот» тащить к этой теме. Ведь пришлось и ЦК и Совнарком и СТО (Совет Труда и Оборона) и все прочие учреждения, не говоря уже о Наркоминделе, буквально заставить заняться этим вопросом»². Как подробно он пишет в этом письме, в течение первой половины октября 1921 г. состоялось три заседания и две специальные комиссии, на которых активно об-

суждалась эта проблема, и «мне пришлось нанести десятка два частных товарищеских визитов, чтобы добиться, наконец, принципиального одобрения идеи заключения формального соглашения»³. Г.В. Чичерин, высоко ценивший Б.З. Шумяцкого и доверявший его компетентности в монгольских делах, склонялся к поддержке последнего. Веским аргументом в пользу соглашения было геополитическое значение Монголии для Советской России. Г.В. Чичерин в письме к В.И. Ленину от 18 октября 1921 г. писал: «Революционное правительство есть в наших руках очень крупный козырь. Его создание совершенно опрокинуло японские планы установления контрреволюционного фронта от Тихого океана до Каспийского моря. Наши границы на громадном протяжении вполне безопасны, будучи прикрыты дружественной Монголией»⁴.

5 ноября 1921 г. в торжественной обстановке в особняке НКВД было подписано «Соглашение между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией». Обе стороны пошли на компромисс, и по договоренности в итоговый текст соглашения не вошли статьи о международно-правовом статусе Монголии, о ее отношениях с Китаем, о Урянхайском крае. Также были подписаны два дополнительных протокола — об отказе правительства РСФСР от концессий и экономических привилегий царского правительства и о сотрудничестве в области судопроизводства. Вопрос о концессиях был внесен в дополнительный протокол, по которому Россия получила право третьей стороны. В этот же день состоялась встреча делегации Народной Монголии с В.И. Лениным в Кремле, на которой присутствовали Г.В. Чичерин и Б.З. Шумяцкий 24 ноября был подписан еще третий протокол — о предоставлении правительством РСФСР правительству Монголии ссуды в 1 млн р.

Как известно, соглашение от 5 ноября 1921 г. между Советской Россией и Монголией явилось первым международным актом в формировании советско-монгольского политического союза, по которому российско-монгольские отношения строились на правовой основе. Официальное признание Монголии со стороны Советской России соответствовало ее национальным интересам и определяло конкретные политические и военные гарантии сохранения ее государственности, а также достижения подлинной независимости от Китая. Для советской же стороны кроме соображений идеологического характера, заключавшихся в поддержке национально-освободительной борьбы на Востоке, это соглашение было выгодно с точки зрения государственных интересов — создание на границе дружественного государства «буфера» в возможных конфликтах с Китаем и Японией.

Реакция Китая на заключение соглашения была резко отрицательной. Нужно отметить, что 1921–1925 гг. характеризуются острым дипломатическим противостоянием между СССР и Китаем по вопросу статуса Монголии. Китайское правительство теперь рассматривало все пробле-

мы советско-китайских отношений, как, например долги китайского правительства царской России, о КВЖД — только через призму решения монгольского вопроса.

Советское правительство при заключении с Монголией соглашения от 5 ноября 1921 г. рассчитывало определить с Китаем приемлемую форму существования Внешней Монголии, но не учло в полной мере всей серьезности и глубины создавшегося положения. Советское руководство прорабатывает новые подходы к Китаю, в том числе и по монгольскому вопросу. С этой целью в июле 1922 г. в Китай прибыл новый дипломатический представитель РСФСР А.А. Иоффе. Монголы к этому времени уже считали себя свободными и независимыми от Китая. Иоффе старается убедить Москву кардинально пересмотреть ее позицию по монгольской политике. Советское руководство не теряло надежды отстоять автономию Внешней Монголии, используя для этого разные каналы. Китай стоял на своем. 5 сентября 1923 г. в Пекин прибыла официальная дипломатическая миссия во главе с Л.М. Караханом на смену посланному в Японию А. Иоффе. Он официально заявил о том, что «Монголия входит в состав Китая...и суверенитет Китайской Республики не подвергается сомнению»⁵.

Подписанное 31 мая 1924 г. в Пекине соглашение между Советским Союзом и Китаем, определяло Внешнюю Монголию как составную часть Китая. Как сообщается в бюллетене Советского полпредства, в Урге началась настоящая паника, после того как монгольское правительство получило из своего представительства в Москве сообщение, сущность которого сводилась к следующему: 1) независимость Монголии отменяется, она получает автономию под суверенитетом Китая; 2) Русские войска выводятся из Урги; 3) На предстоящей конференции при обсуждении монгольских дел, Россия не будет участвовать, монгольский вопрос будет решаться одними китайцами и монголами; 4) Конференция будет в Пекине. Телеграмма с этой новостью вызвала «настоящий переполох среди руководителей народной партии и правительства». На экстренно созванном совещании партийных деятелей наметилось два подхода:

1. Позиция председателя Реввоенсовета Э.-Д. Ринчино, председателя ЦК МНРП Япон-Данзана и их единомышленников исходила из признания полной независимости Монголии от Китая. В случае подтверждения этого сообщения о новой линии поведения со стороны России, по их мнению, Монголия должна будет биться до конца за свою свободу, сопротивляться Китаю всеми силами, «не хватит винтовок, возьмемся за топоры и камни». Вероятность вхождения Монголии в той или иной форме в состав Китая рассматривалась ими как возможный вариант лишь в том случае, когда он сам освободится от империалистов. Когда Китай действительно демократизируется и даст Монголии больше свободы, культуры, перспективы в развитии производительных сил по сравнению с тем, чем она в настоящее время располагает.

2. Другой подход выражали премьер-министр Б. Цэрэндорж, главком С. Данзан, член президиума ЦК МНП Ц. Жамцарано и другие, который сводился к следующему. Признавая «катастрофичность положения вещей», они полагали, что без России этот вопрос не решится, что вооруженное сопротивление Китаю безнадежно. И если Россия «поворачивается спиной к Монголии», придется примириться с автономией.

Вскоре одно за другим пришли сообщения из Москвы, с уверениями в дружественных отношениях между Россией и Монголией, что «все остается по-старому»⁶. Тревоги, волнения, опасения постепенно улеглись, но осадок от пережитого остался.

В мая 1924 г. умер Богдо-гэгэн, «живой бог» и формальный глава Монгольского государства. До созыва монгольского законодательного органа Великого Хурала, полнота власти перешла в руки Народного правительства. Со смертью правителя стало ясно, что новые перемены неизбежны, и одним из принципиальных вопросов был, останется ли Монголия монархией, какой она фактически стала в 1921 г., или же она будет республикой. В монгольском руководстве первоначально были разногласия по этому важнейшему вопросу. Так, в бюллетене Советского полпредства сообщается: «Из виднейших руководителей правительства и партии старик Церен-Дорчжи как будто склоняется к установлению в Монголии Республики, в частности к лишению будущего Гэгэна права на совместительство церковной власти со светской. Более оппортунистической и почти монархической концепции придерживается министр иностранных дел Амар и некоторые другие министры»⁷. Далее сообщается, что радикальные элементы в лице Ринчино, Дамбадоржа, вероятно и Япон-Данзана, решили вопроса о форме государственной власти не будировать, поскольку, считали они, в Монголии неминуемо установится республиканский строй, в будущем они мыслили Монголию как республику без президента: согласно одного из предположительных вариантов — председатель Великого Хуралдана будет и формально главой Монгольского государства.

Здесь весьма интересно привести соображения, которыми руководствовался в этот период советник монгольского правительства Э.-Д. Ринчино. Так, в письме к И.В. Сталину и Г.В. Чичерину (январь 1925 г.) он пишет о том огромном влиянии, какое имеет в Монголии буддизм, о повышенной религиозности населения. «При такой обстановке, — пишет он, — есть опасения последствий отделения церкви от государства, ибо имеется вполне реальная опасность...образования из церкви государства», поэтому он считает важным «не допустить явления 9-го Богдо-гэгэна, который несомненно возглавит это новое государство в государстве»⁸. Поэтому не случайно в конце лета 1924 г. правительство отклонило ходатайство верующих о призыве 9-го Богдо-гэгэна из Тибета под предлогом, что Далай-лама и Панчен-лама, которые должны определить нового перерожденца, находятся между собой в конфликте.

Разногласия в монгольском руководстве по вопросу о будущей форме правления продолжались недолго. Вскоре, 3 июня 1924 г. состоялось заседание бюро ЦК МНРП в составе семи человек: Цэрэндоржа, главкома Данзана, Дамбадоржа, Япон-Данзана, Джа-Дамбы, Лосола, Ринчино, которое единогласно постановило учредить в Монголии республиканский строй правления. 7 июня 1924 г. пленум ЦК МНРП, обсудив это предложение, принял следующую резолюцию: 1) перенести печать Бого-хана в здание правительства для хранения; 2) ввести в стране республиканский строй без президента как главы государства, передав всю верховную власть Великому Народному Хуралу и избираемому последним правительству. 13 июня на совместном заседании ЦК партии и правительства это решение было одобрено.

Советника монгольского правительства Ринчино глубоко волнуют проблемы становления и развития монгольской государственности. После того как подписанное 31 мая 1924 г. в Пекине соглашение между Советским Союзом и Китаем определяло Внешнюю Монголию как составную часть Китая, 23 октября 1924 г. Э.-Д. Ринчино написал и передал в Бурятский обком РКП(б) секретное письмо «В Буробком РКП». Копию этого письма он передал А.Н. Васильеву, полпреду СССР в Монголии. Главная цель его письма состояла в определении дальнейшей государственности Монголии. В этом письме он отмечает, что в настоящий момент происходит «общий культурно-национальный подъем и пробуждение политического самосознания широких трудовых масс почти у всех монгольских племен»⁹. По его мнению, образование Бурят-Монгольской и Монгольской республик способствовало развитию «внимания и интереса почти всех монгольских племен (Барги, Внутренней Монголии и Китайского Туркестана, т.е. почти всей этнографической Монголии) к Коминтерну и СССР». С одной стороны, он отмечает, что эти республики «становятся все более и более в центре внимания остальных еще подневольных монгольских племен», он рассматривает их как плацдарм для расширения революционной волны. С другой стороны, по его мнению, с признанием Китая СССР, гражданской войной в Китае, установлением контактов революционного Гоминьдана с Коминтерном и МНРП возник ряд проблем, которые требуют разрешения. На его взгляд перед обеими республиками, (Монголией и Бурятией) и их партиями стоит «ряд весьма важных вопросов, требующих немедленного разрешения, обсуждения и согласования»¹⁰. Это следующие вопросы: 1) целесообразным является участие представителей ЦК МНРП и Обкома РКП Буреспублики на годовых конференциях, что является вполне допустимым после того как МНРП принята в число членов Коминтерна; 2) учитывая большой недостаток в Монголии ряда ответственных и технических работников, он предлагает Бурятии выделять эти кадры, и чтобы с ним не применялся принцип заграничных командировок, а практиковался «принцип перебросок как бы в пределах СССР»; 3) он предлагает разработать вопрос о путях экономической смычки Монголии и Буреспублики,

выпрямления границ Бурятии и эмиграции бурятского населения в Монголию. Монголия, по его мнению, в результате нынешнего политического и экономического развития неизбежно должна будет пойти по пути советизации и войти в недалеком будущем в СССР в качестве нового члена Союза. Он считает, что при вхождении Монголии в СССР существование Бурятии потеряет всякое значение и она должна будет присоединиться к Монголии. В заключении он пишет «Таково мое личное мнение и мнение некоторых моих товарищей по монгольской работе». Ринчино полагает, что «необходимо теперь же начать подготовительные работы к выполнению этой задачи».

Итак, суть предложения советника монгольского правительства сводилась к тому, что Монголия должна войти в состав СССР.

Обсуждение этой темы нашло отражение на закрытом заседании Президиума Бурятского обкома (Буробком) РКП(б) от 28 ноября 1924 г., протокол №65. Был заслушан вопрос «Докладная записка члена ЦК Монгольской Народно-Революционной партии РИНЧИНО, от 23 октября с.г., представленная в Буробком» (докладывал Ербанов). Президиум Буробкома принял развернутое постановление по всем трем вопросам, поставленным в письме Ринчино. По первому вопросу было принято несколько предложений: а) осуществлять культурно-национальное развитие Бурятии в тесной связи и согласованности с Монголией, родственной по культуре, языку, быту и пр.; б) культурно-национальное взаимодействие и связь не должны принимать тенденцию к установлению единого фронта по линии подхода к национальной интеллигенции и беспартийной массе, поскольку тактика и программные требования МНРП отличаются от тактики и программы РКП(б); в) признавалось, что в данный исторический период культурно-национальное взаимодействие Бурятии и Монголии «должно выразиться лишь в увязке и согласованности действий по линии организации издательского дела (Буриздата) и работы Буручкама», должны быть установлены единая терминология литературного языка, орфография, отрегулированы вопросы по изданию учебников, учебных пособий; г) увязка в работе практически должна осуществляться путем взаимного представительства; д) признавалось желательным восстановление более тесного контакта с ЦК МНРП через взаимное представительство на годовых съездах и возможного взаимного участия на заседаниях Комитетов. По второму вопросу в принятых пунктах отмечалось: а) что «исторически сложившаяся тесная связь Монголии и Бурятии и необходимость оказания реальной помощи в деле государственного и партийного строительства Свободной Монголии, ставит Бурят Монгольскую организацию РКП перед неизбежностью и необходимостью выделения работников со стороны Бурятии и откомандирования их в распоряжение ЦК МНРП и правительства Монголии»; б) рассматривалось практическое осуществление этого. По третьему вопросу было отмечено следующее: а) предложение разработать вопрос об экономической смычке Монголии

и Бурятии, а также выпрямление границ Буреспублики «принципиально считать необходимым и поручить Комфракции СНК приступить к изучению и разработке этих вопросов на предмет конкретного его разрешения и представления на санкцию Центральных органов власти»; б) «заявление Ринчино о советизации Монголии, вхождение ее в СССР признать необходимым детальное изучение и проработку данного вопроса, запросив соответствующие указания высших парторганов»¹¹.

Как видим, предложение Ринчино о советизации Монголии и вхождении ее в состав СССР было рассмотрено на закрытом заседании президиума Бурятского обкома РКП(б), но реальной поддержки со стороны бурятских коммунистов не получило. Решение этого вопроса фактически было отложено на рассмотрение вышестоящих партийных инстанций.

Вскоре 5, 6 и 7 декабря 1924 г. состоялось заседание пленума Дальневосточного бюро ЦК РКП(б), протокол № 49, на котором девятым по счету был рассмотрен вопрос «Протокол №65 закрытого заседания президиума Буробкома РКП от 28/ХІ с.г. о взаимоотношениях с Монголией». После обсуждения было принято постановление, в котором протокол № 65 Буробкома был утвержден с некоторыми изменениями. Один из измененных пунктов гласил: «Заявление РИНЧИНО о советизации Монголии и вхождении ее в СССР признать необходимым детальное изучение и проработку этого вопроса, запросив соответствующие указания высших парторганов»¹².

Выписки из протоколов закрытого заседания Президиума Буробкома и заседания Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) под грифом «Совершенно секретно» вскоре были у Сталина и у всех секретарей ЦК РКП(б).

На наш взгляд, ключевым моментом для понимания причин этого предложения Ринчино является подписанное между Москвой и Пекином в мае 1924 г. соглашение об определении статуса Монголии, как составной части Китая. Это соглашение больно ударило по национальному самосознанию монгольского народа, который считал себя уже независимым. Поэтому в Урге возникло недовольство, разочарование и возмущение тем, что «Россия показала спину». Со стороны Ринчино, горячего патриота монгольских народов, который чувствовал обязанным защитить «свою» Монголию, это была отчаянная и в большей степени эмоциональная попытка решения проблем ее дальнейшего национально-государственного строительства. Пребывая в составе Советского Союза, полагал он, Монголия будет защищена от претензий Китая. Таково, пожалуй, наиболее вероятное объяснение причин этого предложения Ринчино в таком сложном для страны 1924 г.

Следует отметить, что, несмотря на секретный характер этого письма, монгольским деятелям вскоре стало известно о его содержании через уполномоченного Коминтерна Т. Рыскулова, который стремился использовать это письмо в борьбе с Ринчино. В результате чего многие монгольские деятели, естественно, насторожились, почувствовав угрозу существования своей государственности, национально-государственных интересов.

Но тем не менее оформление нового дипломатического статуса Монголии не вызвало ослабления позиций Советского Союза и Коминтерна в этой стране, практически не привело к каким-либо переменам в ее внешнеполитическом статусе. В условиях начавшейся китайской революции 1925–1927 гг., всколыхнувшей не только внутренний Китай, но и ее национальные окраины, где проживали многочисленные неханьские народности, у советского руководства и Коминтерна появилась возможность расширения революционного процесса в Китае и оказания конкретного влияния на него, посредством активизации деятельности ЦК МНРП.

В деятельности Коминтерна в Монголии первой половины 1920-х гг. прослеживаются два основных направления. Во внешнеполитическом плане Коминтерн стремился использовать Монголию и МНРП как катализаторов развития революционных событий в Китае, большевистские руководители рассматривали Монголию, как вполне конкретный плацдарм продвижения революции в глубь Азии, как перевалочную базу снабжения китайских революционеров. Во внутреннем плане проводилась линия на упрочение позиций ВКП(б), Коминтерна и Советов, на преодоление упорного противодействия и даже сопротивления со стороны национал-демократического руководства МНРП и правительства МНР, выступавших за самобытный путь развития республики, против радикализации преобразований, ужесточения классовой борьбы и усиления зависимости от СССР.

Следует отметить, что правительство Монголии, укрепляя свои связи с СССР, стремится проводить свою собственную политику, в том числе в Китае, направленную на поддержку национально-освободительного движения во Внутренней Монголии. В Китае в этот период назревают революционные события, генерал Фын Юйсян, командующий 1-й национальной армией, объявивший свои войска народно-революционной армией, начинает играть заметную роль. Монгольское правительство, стремясь определить свои отношения с Китаем, устанавливает контакт с этим видным китайским деятелем. Также ургинское правительство, руководствуясь идеями «эмансипации», освобождения всех монгольских народов, встало на путь проведения революционной деятельности в самых различных районах Внутренней Монголии. Эта работа осуществлялась самостоятельно и закамуфлировано от Москвы, и советник монгольского правительства Ринчино был ее активным участником. Выступая 25 мая 1925 г. на заседании ЦК МНРП, он подчеркнул: «В наших руках общемонгольская национальная идея опасное и острое революционное оружие»¹². Главная цель, которую преследовало монгольское правительство, заключалась в поддержке национально-освободительного движения во Внутренней Монголии.

Ц. Жамцарано, выполнявший обязанности товарища (заместителя) министра внутренних дел, разработал и предложил свой вариант национального развития МНР, где ратует за «настоящую независимость Монголии», за превращение Халха-Монголии в притягательный центр всех

монгольских народов, проживавших в других регионах (южных монголов, бурят-монголов, калмыков, монголов Тувы и Синьцзяна). Об этом также говорит и Ринчино, выступая на III съезде МНРП: «Мы должны также помнить, что миллионы наших соплеменников, жителей Внутренней Монголии, стонут под гнетом Китая». Выступая на заседании ЦК МНРП (май 1925 г.), он проанализировал проведенную революционную работу в Барге, в восточных и западных районах Внутренней Монголии и других территориях Китая с монгольским населением.

Уполномоченный Коминтерна в Монголии Т. Рыскулов, по сути, одобряя и поддерживая проводимую ЦК МНРП политику во Внутренней Монголии, 24 декабря 1924 г. сообщал в Исполком Коминтерна: «Ход жизни вынуждает Монголию связываться с этими районами — Внутренней Монголией, Баргой, Тибетом, Синьцзяном, а последних, в свою очередь, искать опору во Внешней Монголии.... С точки зрения общей обстановки на Дальнем Востоке, несомненно, освободительная борьба монгольских племен, при условии твердого руководства Коминтерна, имеет революционное значение»¹³. И далее Т. Рыскулов предлагал примерный план деятельности Коминтерна в китайских национальных окраинах, основанный на использовании в подпольно-революционной работе специально подготовленных киргизов, калмыков, уйгуров, а также китайских коммунистов.

К сожалению, пересечение разных подходов к судьбам монгольского суверенитета и национального государства, усиленное личными характеристиками Э.-Д. Ринчино и Т. Рыскулова, между которыми разгорелась ожесточенная борьба, внесла чрезвычайное напряжение на уровень политической борьбы. Как известно, это кончилось фактическим отстранением из Монголии этих незаурядных политических деятелей, что сузило возможности социально-политического взаимодействия Коминтерна с МНРП и значительно обеднило представления о геополитических прогнозных сценариях Советского Союза в Центральной Азии.

Таким образом, после национально-демократической революции 1921 г. на передний план выдвигаются задачи укрепления суверенитета и национально-государственного строительства Монголии. Нужно отметить, что этот процесс проходил в сложных внешнеполитических условиях, Китай препятствовал установлению независимости. Наиболее дальновидные представители новых монгольских общественных сил отчетливо осознавали, что, без мощной поддержки извне, суверенитет, свободная жизнь Монголии неосуществимы и сделали ставку на помощь России. Советская Россия, Коминтерн внесли решающий вклад в формирование и развитие монгольской государственности в новой прогрессивной для страны форме республики. Огромную роль сыграл председатель Дальневосточного секретариата Коминтерна Б.З. Шумяцкий в признании Монголии Советской Россией в 1921 г., установлении полноправных и взаимовыгодных отношений. Бурятские политические деятели своими практическими действиями в интересах страны оказывал серьезную помощь, содействие молодому

монгольскому правительству в расширении демократических свобод, становлении ее национальной государственности.

Примечания:

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 9, л. 72.

² Там же. л. 71.

³ Там же, л. 72.

⁴ Лузянин С. Монголия между Китаем и Советской Россией (1920–1924) // Проблемы Дальнего Востока. С. 76

⁵ Лузянин С.Г. Коминтерн, Монголия и китайская революция 1925–1927 гг. // Восток. 1996. № 1. С. 66.

⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 9, л. 7.

⁷ Там же, д. 29, л. 187

⁸ Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. С. 142.

⁹ Материалы общественного фонда «Элбек-Доржи Ринчино». Письмо Э.-Д. Ринчино «В Буробком РКП». С. 1.

¹⁰ Там же. С. 2.

¹¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 717, лл. 49–51.

¹² Там же. л. 49.

¹³ Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. Указ.соч. С. 104. Лузянин С.Г. Россия–Монголия–Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2000. С. 130.

Ю.А. ЗУЛЯР

БАЙКАЛЬСКАЯ ПРИРОДНАЯ ЗАПОВЕДНОСТЬ ЗА ДВАДЦАТЬ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ: ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Вся история человечества — это драматическое повествование о взаимоотношении Природы и Общества. Но иными они не могут быть по определению, ибо эксплуатация природных ресурсов — это условие существования человечества. К счастью нет правил без исключения, и на этом мрачном фоне есть светлое пятно — заповедники. Это та часть природы, где естественная среда не эксплуатируется, а контролируется обществом с целью сохранения ее в первозданном виде (идеал).

Великий Байкал — это жемчужина планеты и объект Всемирного наследия. Поэтому он сам и его природное окружение издавна находятся в поле зрения отечественной и мировой общественности. Высшей степенью заботы государства о природном объекте является создание на данной территории режима полной заповедности. Сделать весь Байкал заповедным не реально, но отдельные ландшафты вокруг него — необходимо. И первый заповедник России — Баргузинский появился на его берегах в годы Первой мировой войны в 1916 г., а в 1917 г. на его территории формировались еще два — Саянский и Китойский.